

²⁰ Одной из форм политического протеста переизгов в условиях кризиса спартанского полиса мог быть отказ от поставления воинских контингентов, как это случилось перед первым походом фиванцев в Лаконику (Хеп. Heli. VI. 5. 25).

²¹ См.: Ellul J Op. cit. P. 53; Печатнова Л. Г. Спартанский полис на рубеже V—IV вв. до н. э.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1984. С. 10.

²² По отношению к илотам термин «*apagastoi*» не употребляется. Присутствие рабочей силы предполагается в любом случае.

А. В. ИГНАТЕНКО
Свердловский юридический институт

О НАЧАЛЕ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ В РИМЕ (к вопросу о возникновении политической власти)

Вопрос о начале государственности в Риме в современной советской литературе — особенно четко эта тенденция выражена в учебниках и учебных пособиях¹ — решается традиционно: в соответствии с замечанием Ф. Энгельса по поводу политического значения реформ Сервия Туллия. Создание «действительно государственного устройства, основанного на территориальном делении и имущественных различиях»², относят к постсервианскому периоду. Попытаемся, однако, привлечь внимание и к другому аспекту этого хорошо известного вывода: «... в Риме, еще до упразднения (выделено нами. — А. И.) так называемой царской власти, был разрушен древний общественный строй, покоившийся на личных кровных узах»³. «Из-за густого мрака, окутывающего всю легендарную древнейшую историю... невозможно сказать что-нибудь определенное ни о времени, ни о ходе, ни об обстоятельствах возникновения той революции, которая положила конец древнему родовому строю. Несомненно только, что причина ее коренилась в борьбе между плебсом и *populus*»⁴.

Думается, что здесь акцент поставлен также на продолжительности процессов разрушения родового строя и оформления политической организации⁵, а следовательно, привлечено внимание к процессам, исторически предшествовавшим реформе Сервия Туллия, последняя приведена лишь как конечная грань, за которой гентильная структура и родоплеменное устройство перестали играть сколько-нибудь значительную роль в политической жизни.

Вопрос о пересмотре даты начала государственности в Риме, на наш взгляд, актуализирован двумя обстоятельствами.

Во-первых, введение в научный оборот целого ряда новых источников — данных археологии, эпиграфики, лингвистики, нумизматики — не только внесло в понимание генезиса классового общества и государства в Италии большую ясность и определенность, но заставило в корне пересмотреть отношение к ан-

тичной традиции. Современные историки-романисты пришли к признанию ее значительной достоверности в освещении политической, военной, культурной истории. И хотя весьма поздний пересказ раннеримских преданий в трудах Тита Ливия, отрывочный характер сведений, содержащихся у других авторов, или плохая сохранность дошедших до нас нарративных источников делают по-прежнему очень сложным изучение истории раннего Рима, у нас есть теперь все основания по-новому увидеть истоки римской государственности.

Во-вторых, решение указанного вопроса представляется назревшим и актуальным еще и потому, что в правоведении он, оказавшись на стыке двух наук — истории и теории государства и права, является именно тем моментом, от которого зависит не только выяснение конкретного процесса в конкретной исторической ситуации, но и верификация общих закономерностей возникновения рабовладельческого государства. При этом обе задачи столь тесно переплетены, что невозможно определить, где именно историки, используя детализированную теоретиками методологию, применяя теоретический понятийный аппарат, исследуют важнейший объект изучения науки истории государства и права, а где они, наполняя теоретическую схему конкретным историческим содержанием и вместе с тем проверяя ее, решают одну из важных задач общей теории.

В первую очередь марксистско-ленинская общая теория государства и права должна обусловить границы материала, подлежащего исследованию при анализе вопроса, который рассматривается в настоящей статье, и определить те критерии, которые позволили бы с определенностью говорить не просто о начале политизации римской общины, но и о возникновении государственности в Риме.

Как известно, наряду с разделением населения по территориальному принципу и введением правильно взимаемого налога, Ф. Энгельс указывает еще один признак государства, самый значительный — учреждение публичной власти⁶. Иначе говоря, возникновение государства есть прежде всего возникновение **особой власти**, которая реализуется в системе органов власти и управления⁷. Но овеществляется такая власть в специальные органы не вдруг и не сразу. Поэтому необходимо выяснить, что следует понимать под публичной властью первоначально, каковы ее признаки, поскольку лишь тогда возможно выявить и момент ее отделения.

В марксистско-ленинской общей теории государства и права вопрос о государстве сопряжен с учением о типах и формах государства. Тип государства определяется классовой сущностью формации, в которой это государство существует. Понятие «формы государства» более сложное, состоит из таких структурообразующих элементов, как форма правления, политический режим, форма государственного устройства. Среди них

именно политический режим, определяемый как совокупность средств и способов, приемов и методов осуществления государственной власти⁸, проявляя классовое содержание того или иного конкретного государства, обнаруживает характерные, основные черты организации власти в государстве, ее особенности и методы деятельности и потому является главной, внутренней стороной формы государства⁹. Существенный момент политического режима составляет метод господства, управления обществом — прямой (насилованный) или косвенный (демократический). Он выражает, следовательно, особенности государства с точки зрения его демократизма или антидемократизма¹⁰.

В настоящее время специалисты в области марксистско-ленинской общей теории государства и права признают возможность применения категории «политический режим» при исследовании государства любого исторического типа. К тому же о политическом режиме говорят неоднозначно. С одной стороны, он рассматривается как совокупность приемов и методов, при помощи которых «господствующий класс... осуществляет подавление классовых противников и привлекает представителей своего класса к управлению государством»¹¹ (назовем эту характеристику режима функциональной). Вместе с тем подмечена и другая сторона проявления политического режима — его организационно-политическая основа, «характеризующаяся определенными структурными особенностями самого государственного аппарата»¹². «Словом, при характеристике того или иного политического режима необходимо исследовать как организационно-политическую основу данного государственного строя, так и совокупность методов, посредством которых осуществляется государственная власть»¹³. Данные положения представляются крайне важными для предстоящего исследования, определяя методологический подход к исследованию генезиса политической власти в Риме. Следует сделать лишь одно уточнение: функциональная сторона политического режима необходимо предшествует структурной его характеристике, ибо именно на функциях государственных органов прежде всего сказываются социальные перемены.

Однако, несмотря на признание универсальности рассматриваемого критерия политической системы, в юридической литературе политический режим в рабовладельческом государстве не изучен: отмечается порой лишь его специфика и возможность эволюционирования на различных этапах развития государств¹⁴. Даже при анализе исторических типов государства и права, как правило, говорится только о формах государства, при дифференцировании которых параметры политического режима определены в виде эпитетов (греческие полисы — демократические либо олигархические; республики — аристократические или демократические; монархии — «ограниченные» (принципат) либо

«неограниченные» (доминат) ¹⁵. Особенно «не повезло» проблеме политического режима в Риме: отмечено лишь в самых общих чертах отличие аристократической рабовладельческой республики в Риме V—II вв. до н. э. от демократической республики в Афинах V—IV вв. до н. э. Почти не использовано понятие политического режима и при характеристике античного рабовладельческого государства в историко-правовой литературе. Наконец, весьма расплывчатое представление о политическом режиме у историков-романтистов, да и говорится о нем в связи с другими, более частными проблемами, например, кризисом Римской республики или установлением принципата ¹⁶.

Тем не менее мы совершенно убеждены в том, что исследование политического режима крайне важно для понимания самой сущности политической жизни общества. И если теоретически подход к проблеме политического режима еще не полностью определился, то причиной тому — недостаточная изученность конкретно-исторических его проявлений. Только конкретный анализ исторических модификаций политического режима поможет выявить его общие признаки, критерии, дающие возможность сравнивать характеристики государства по одним и тем же параметрам, и вместе с тем выработать единую, общую дефиницию данного политического явления. Исследование политического режима в Римском государстве, в частности история его генезиса, в этом плане может оказаться весьма плодотворным.

Характерно, что значение вопросов, связанных с политическим режимом, осознавалось уже древнегреческими и древнеримскими мыслителями Аристотелем, Платоном, Панетием, Полибием, Лукрецием, Цицероном ¹⁷. Не анализируя взгляды каждого из древних авторов в отдельности, обратим внимание на то, в чем они, выделяя три формы государства: монархию, аристократию, демократию и как развитие этой эволюционной цепи, как отклонение от «правильных» форм — тиранию, олигархию и охлократию, видели их различия. Во-первых, отмечалось, кто именно пользовался политическими правами (властью) — масса граждан либо «лучшие» люди полиса, верхушка общества; небольшая, узкая группа «злонамеренных» людей либо стоявший во главе государства человек ¹⁸. Во-вторых, как правило, фиксировалось, какими методами эта власть осуществлялась ¹⁹, с помощью каких средств. Иными словами, различали, был ли строй государства демократическим, аристократическим либо авторитарным. Дифференцировалась при этом и степень развития аристократии, что определялось соотношением социальных сил, сложившихся на политической арене ²⁰.

Конечно, мы можем в связи с воззрениями древних авторов говорить лишь о зарождении представлений о политическом режиме. Но поскольку под демократией, аристократией, хотя

они и названы формами государства, подразумевалась в первую очередь система средств и методов осуществления власти, а не структура государственных органов, поскольку общие черты демократии либо аристократии прослеживались в государствах с совершенно различным государственным строем, именно политический режим оказывался в центре внимания античных государствоведов. При этом древние авторы диктуют нам совершенно определенный план исследования политического строя в Риме: а) изучение соотношения классовых сил в тот или иной отрезок времени и характер правящих кругов; б) анализ методов и средств, с помощью которых эти круги управляли римским обществом и государством; в) выяснение, с какими именно функциональными и структурными изменениями государственного строя было сопряжено каждое значительное изменение методов и средств осуществления власти. Таковы, думается, общие критерии, которые позволяют подойти к определению политического режима как государственно-правовой категории.

Итак, ориентируясь на имеющиеся в литературе дефиниции политического режима и отнюдь не отвергая и не опровергая их, попытаемся вместе с тем уточнить эти определения. На наш взгляд, политический режим (в государственно-правовом его значении) — это не просто совокупность средств и методов (способов) осуществления диктатуры господствующего класса, характеризующаяся определенной степенью развития демократии, но еще и обусловленные конкретным соотношением классовых сил и состоянием классовой борьбы определенные функциональные и структурные показатели, отражающие, какие именно группы общества стоят у власти и с помощью каких сил и средств они осуществляют свою власть. Именно политический режим, будучи особенно тесно связанным с социальной структурой, и должен подлежать исследованию в первую очередь при анализе генезиса и становления государственности и политической системы в целом.

В настоящее время считается установленным, что Рим возник около середины VIII в. до н. э. вокруг убежища-крепости (*oppidum*), сооруженного выходцами из Альба-Лонги. В силу распространенного в замкнутых италийских общинах обычая, имевшего общие с греческой колонизацией корни²¹, сначала на одном из притибрских холмов (Палатинском, Эквилинском или Целийском)²² образовались укрепленные выселки, к которым стали тяготеть не имевшие крепостей, жившие деревнями сабиняне и латиняне. Происшедший позднее в силу общности социально-экономических и внешнеполитических интересов сийонизм ряда различных по этническому составу общин округи привел к возникновению своеобразного объединения — Септимонтия, который принято считать прямым предшественником Рима²³.

Позднее оформлявшаяся здесь *civitas* разрасталась, но не столько за счет увеличения коренного населения, сколько благодаря притоку людей извне: из Сабины, с предгорий Апеннин, из-за Тибра, из Этрурии. Смещение населения было отчасти результатом начатого Ромулом насильственного переселения завоеванных людей, отчасти — добровольной их иммиграции, обусловленной экономическими процессами²⁴. И даже если в Ромуле персонифицированы несколько предводителей зарождавшейся римской общины, процесс этот тем не менее начался очень рано, возможно, в VIII в. до н. э.²⁵

Вероятно, в Септимонтии уже можно видеть рождающийся союз трех преобразовавшихся родоплеменных триб, в котором прослеживаются родственные латинские и сабинские, а затем и проникшие с севера этрусские элементы²⁶. И если о ранней ассимиляции двух первых мы говорим с большей уверенностью, этруски, даже войдя в союз, могли сохранить определенную обособленность, составив позднее ядро территориальной общины на Авентине, где возникла плебейская организация²⁷.

Формировалась римская *civitas* из родоплеменных и территориальных коллективов путем отделения их от окружающих племен и интеграции в пределах одного разраставшегося поселения. В ходе этого процесса складывалось отношение к внешнему миру как к миру преимущественно чуждому, враждебному. Но даже внутри данного коллектива уже в период правления первых рексов не было единства. В небольшой по объему статье мы не ставим задачи анализировать социальный строй Рима, тем более что в последние десятилетия появилось немало работ, посвященных данной проблеме²⁸. В этой связи заслуживают особого внимания исследование И. Л. Маяк и статья Н. Ф. Шилюк²⁹, в которых изложены две полярные социальные концепции.

И. Л. Маяк на основе анализа источников и синтеза результатов, имеющих в советской и зарубежной литературе исследований, приходит к выводу, что уже «у истоков царского периода» Рим знал не только клиентскую зависимость, патриархальное рабство, выделение знати и социальные раздоры, «но и усиление царской власти за счет принижения роли народного собрания и особенно сената». При этом клиентами автор считает преимущественно незнатных членов римской общины, находившихся в зависимости от *patres*, плебеями — завоеванное население и добровольных пришельцев, не включенных в местную родоплеменную организацию. Традиционно подходит И. Л. Маяк и к пониманию социальной категории *patres*, патрициата, родоплеменной знати. Однако автор все глубокие социально-экономические процессы — превращение римского общества в классовое, образование государства, формирование автаркичного полиса с присущей ему замкнутостью — относит ко времени правления этруских царей³⁰.

В небольшой по объему статье Н. Ф. Шилюк источниковедческие изыскания оставлены за пределами публикации. Работа тем не менее привлекает методологически безупречной логикой построения модели раннеримского общества. Патриции — это первоначально гентильная, позднее — общинная знать, присвоившая функции руководства, управления делами коллектива, а затем — распоряжения земельным фондом общины и военной организацией. Клиенты — эксплуатируемая масса пришельцев-переселенцев, не вошедших в общину и потому не защищенных ею, получавших доступ к земле лишь через посредство покровителя-патриция. В плебейх же автор видит рядовых, незнатных и потому экономически обделенных членов общины, переживающей процесс перехода от гентильной к соседской общине, а затем к полису — *civitas*³¹. И если ни трактовка патрициев, ни даже клиентов не вызывает возражений, то взгляд Н. Ф. Шилюк на происхождение социальной категории плебеев несколько непривычен. Однако, поскольку социальный анализ раннеримского общества не является самостоятельной задачей настоящей статьи, не будем вдаваться в проблему, которая до сих пор остается не решенной до конца, и лишь констатируем присутствие патрициев, клиентов, плебеев, патриархальных рабов уже в Риме первых регсов.

Более значителен в данном контексте различный подход к оценке характера раннеримской общины. И. Л. Маяк, например, видит в Риме Ромула и Нумы гентильную общину с гентильным по структуре обществом, хотя *gentes* и разделены уже на большие патриархальные семьи, внутри которых не было равенства, поскольку надельная земля родовых общин, как и надельные сосуществующих с ними общин территориальных, постепенно переходила в частное владение домовладык³². Тенденция к отрыву от коллективной земли была присуща в первую очередь царским наделям, которые, думается, можно уподобить *τεμενοί* гомеровских *басилеев*. Появление плебеев, которое И. Л. Маяк относит ко времени этруских правителей, завершило картину социальной дифференциации и вместе с тем преобразование гентильной общины в соседскую. Лишь тогда в условиях интенсивного развития не только частного владения землей, но и частной собственности на землю, при отрешении плебеев от участия в эксплуатации *ager publicus* (что, по-видимому, и активизировало деятельность последних в сфере ремесла и торговли) и усилении их борьбы исследователь считает возможным говорить об образовании полиса — *civitas*, т. е. гражданской общины, социально-экономической основой которой была античная форма собственности. В сущности, дается традиционная, устоявшаяся в науке концепция о возникновении государственности в Риме в постсервианскую эпоху.

Однако не лишена убедительности и точка зрения Н. Ф. Шилюк, которая уже в римской общине до Сервия Туллия видит

«аппарат принуждения», «первую политическую организацию», объединявшую крупных и мелких собственников и направленную против эксплуатируемых производителей. «Такое изменение характера общины непосредственно связано со становлением классовых отношений в социальной структуре общества, проявляющих себя не столько в развитии рабства, сколько в формировании на территории общины слоя непосредственных производителей, юридически свободных, но экономически и лично зависимых от общинной знати»³³. Автор статьи ведет здесь речь о не входивших в коллектив общины клиентах, появление которых относит уже ко времени правления первых царей. Вторая эксплуатируемая категория — плебеи, по мнению Н. Ф. Шилюк, простые, незнатные, а потому малоземельные общинники³⁴.

Главный критерий, который позволяет судить о политизации общины, — классовая, социальная борьба. Этот тезис не вызывает сомнений. Но в каких формах проявлялась она на самых ранних стадиях развития римского общества? И. Л. Маяк отмечает уже при Ромуле «резкие социальные противоречия», приведшие первого рекса к гибели, заставившие более осторожно действовать его преемника Нуму, «социальные раздоры» и пр.³⁵ Из ссылок на традицию явствует, что это были противоречия между сенаторами, знатью и рексом, нарушившим привилегии знати по руководству хозяйственной жизнью коллектива и — главное — по распоряжению землей³⁶. Н. Ф. Шилюк, подмечая эти разногласия, акцентирует вместе с тем внимание на борьбе рано появившихся плебеев-«сообщинников» за право оккупировать общинные резервные земли³⁷.

К сожалению, традиция не сохранила конкретных примеров проявления борьбы между патрициями и собственно плебеями, вплоть до событий, связанных с Сервианской реформой, да и последние изображены у Ливия таким образом, что роль плебеев остается неясной³⁸. Не занимали самостоятельной позиции в социальной борьбе того времени и рабы³⁹. Следовательно, говорить о социальных противоречиях, сложившихся в раннеклассовом обществе между знатными и незнатными членами общества, мы вправе, но четко квалифицировать, в каких именно формах они проявлялись, не в состоянии: традиция не дает для этого оснований.

В то же время источники прямо указывают на специфику противоречий, существовавших в царском Риме, и на формы, в которых протекала социальная борьба. Захват земельных угодий, грабежи в VII—VI вв. до н. э. для большинства племен Италии сделались регулярными функциями народной жизни. Такие предприятия способствовали оседанию в руках знати, принимавшей в походах самое активное участие, захваченных богатств, расширению земельных владений. В разраставшейся римской общине при крайне низкой рентабельности хозяйства

и стремлении знати к обогащению захватническая политика превратилась в норму жизни коллектива, а война — в постоянный промысел, в своего рода «хозяйственную деятельность». Ценина, Фидены, Крустумерий, Антемна были лишь первыми жертвами агрессии римлян. И если, по Плутарху, ценинцы при переселении в Рим получили права, одинаковые с правами членов римской общины, то остальные, будучи переселены насильственно, лишились и своих земель (на них были поселены римляне), и прав⁴⁰.

Однако обогащение за счет простого ограбления соседей — акция «одноразовая». Необходимо было сохранить захваченные земли, удержать в подчинении ограбленное и обездоленное население соседних районов, заставить его обогащать завоевателей (своеобразной формой эксплуатации являлось использование мужчин завоеванных общин в качестве воинов), т. е. захват этот закрепить и увековечить. Отпадения же завоеванных общин случались нередко, и порой карательные действия предпринимались неоднократно против одной и той же непокорной общины⁴¹. В этом и видится главный узел социальных противоречий в Риме первых рексов, когда еще не расчленены внешние и внутренние функции публичной власти. На этой стадии уже необходима публичная власть, которая «не совпадает непосредственно с населением, организующим самое себя как вооруженная сила», поскольку завоевания направлены на обогащение не общины в целом, а патрициев, знати. И органы этой власти, едва возникнув как «организация для грабежа и угнетения соседей», тут же начинают превращаться в «самостоятельные органы господства и угнетения, направленные против собственного народа»⁴².

Иными словами, в «царский период» мы застаем римское общество на том этапе, когда аппарат принуждения еще только возникает, будучи направлен первоначально против внешнего, окружающего мира. Но буквально «на наших глазах»⁴³ он обретает внутреннее назначение как аппарат насилия, используемый внутри общины. Начинается процесс политизации, который конкретно выражался в том, что публичная власть приобретала новые, внутренние функции подавления, подчинения завоеванного населения округи, а заодно и удержания в подчинении римской бедноты, плебеев, клиентов. И эти функции обусловили первое, самое насущное изменение «структурного» характера — особую военную организацию.

Согласно традиции, Ромул создал войско из 300 всадников и 3000 пехотинцев⁴⁴, название которых — *legio* (от *legere* — выбирать) может свидетельствовать об отборе определенной части мужского населения общины. Это были наиболее состоятельные люди, поскольку принцип самовооружения обуславливал естественно сложившийся имущественный ценз как критерий при отборе воинов⁴⁵. Позднее, при третьем рексе Тулле Гостилии,

в связи с присоединением к Риму города Альба-Лонга было проведено двукратное увеличение конницы за счет альбанской знати. Еще раз численность конного корпуса была увеличена в 2 раза (либо даже до 1800 человек) Тарквинием Приском, когда он распределил переселенцев-латинян между тремя трибами. Пехота, выставляемая по трибам (по 1000 человек, а внутри триб — куриями), также подвергалась изменениям: Тулл Гостилий дополнил за счет альбанцев старые легионы и составил из них новые; при Тарквиниях пешее римское войско приобрело, по всей вероятности, характер тяжелой пехоты, вооруженной и организованной по этрусскому образцу⁴⁶. Однако ядром военной силы была конная дружина рекса⁴⁷, которая и существовала постоянно, и функционировала наиболее активно⁴⁸. Особый характер этой дружины, состоявшей из знатной молодежи и не совпадавшей с военной организацией по гентильным подразделениям, позволяет А. И. Немировскому видеть именно в ней зарождающийся элемент публичной власти⁴⁹, точнее — ее главное орудие.

Другие органы публичной власти, унаследованные от перво-бытнообщинной организации (комиции, сенат, рекс), внешне, казалось бы, изменений не претерпели. Но изменились их функции, правомочия, в некоторых случаях — внутренняя организация и состав. Народные собрания — сходки воинов из полноправных членов римской общины — организованы по куриям и уже в силу этой организованности далеки от родоплеменных сходок: особым влиянием здесь неизменно пользовались члены знатных родов. В результате комиции не столько выражали волю народа, сколько служили инструментом для выражения воли и защиты интересов знати. Назначаемый рексом сенат из особо почитаемых (богатых и знатных) *patres* превратился в совет при рексе и в оплот знатной верхушки общества. Следует отметить своеобразную тенденцию в развитии политической линии патрицианских *gentes*: они либо сотрудничали с рексом (в начале правления Ромула, при Нуме), либо вступали в конфликт с ним, если его действия приобретали особо властный характер и возникала угроза их интересам. Изменила свою суть, возросла и власть рекса. Хотя, как правило, он избирался куриями (красноречивое свидетельство — сохранявшаяся длительное время *lex curiata de imperio*), свой пост он занимал пожизненно и фактически превращался в правителя с неограниченной властью. Основа его могущества, орудие власти — 300 *celeres*, конная дружина, телохранители, находившиеся при нем «не только на войне, но и в мирное время»⁵⁰, а также собираемое в случае необходимости пешее ополчение. Право распоряжения военной силой передавали рексу курии, но в дальнейшем именно это обстоятельство обусловило его независимость: военный империй — *imperium militiae* (распоряжение и командование войском) — сделался, как подметил Т. Моммзен, подлинным зерном

(der eigentliche Kern) власти и рексов, и более поздних высших магистратов⁵¹.

Политическое положение рекса осложнялось этнической неоднородностью триб, составлявших *populus Romanus*. На посту рекса обычно чередовались выходцы из латинской либо сабинской знати, с усложнением внешнеполитической обстановки патриции прибегали даже к услугам этрусских лукумонов. В рексе до определенного времени знать видела некое «связующее единство» между верхами различных этнических компонентов складывающейся римской общины. Поэтому первоначально фигура рекса была очень важным звеном оформлявшейся публичной власти. Противоречия между группировками патрициата позволяли отдельным рексам усиливать свою власть. Такую тенденцию можно констатировать в конце правления Ромула, при Нуме, мирная деятельность которого, направленная на развитие ремесел и культа, способствовала увеличению престижа царской власти⁵². Вероятно, эту же цель преследовало расширение социальной опоры рексов путем включения в состав патрициата *patres conscripti* — новых, «младших патрицианских родов» из знатных семей плебейства, возможно, ради привлечения торгово-ремесленных элементов этой массы общества⁵³. Однако подобная линия в политике рексов оказалась чревата невыгодными для них последствиями: осуществленное Тарквинием увеличение количества патрицианских *gentes* лишь усилило позиции римских патрициев в постсервианский период, и из борьбы с рексом, к тому времени лишенным военной дружины и права распоряжения военной организацией общины в целом, патрициат вышел победителем.

Всю описанную выше политическую организацию римского общества «царского периода» традиционно называют военной демократией. Стоит пристальнее к ней присмотреться, чтобы понять ее суть. В первую очередь следует обратить внимание на то, что Ф. Энгельс (вслед за Л. Г. Морганом) не случайно снабдил термин «демократия» таким эпитетом. Это была демократия для воинов, каковыми в Риме изучаемой эпохи были только квириды, полноправные члены складывающейся римской *civitas*, к тому же способные вооружиться за свой счет и организованные в курии. Осуществлялась эта демократия посредством деятельности народных собраний по тем же военным организациям — куриям: уже здесь налицо явное отступление от прямого народовластия. Решали куриатные комиции, как правило, лишь вопросы военного характера: о созыве войска, об избрании верховного военачальника, о передаче рексу пожизненного права распоряжения и верховного командования военной организацией. При этом источники нигде прямо не показывают, чтобы куриатные комиции сами решали вопрос об объявлении войны или заключении мира. Прерогатива распределения общинной, в том числе вновь приобретенной, земли у

куриатных комиций тоже была изъята. Таким образом, если даже иметь в виду демократию для воинов, она оказывается чисто формальной. Функции власти, начиная с Ромула, были присвоены рексом и сенатом. К тому же и эта «урезанная» демократия для воинов имела явную тенденцию к дальнейшему свертыванию ее.

Все сказанное свидетельствует о том, что о военной демократии в Риме периода правления рексов можно говорить как о политическом режиме, который характеризовался: а) особыми методами и средствами осуществления власти патрициата (специфическая особенность их в замаскированности формами первобытнообщинной демократии, прямого народовластия); б) особыми изменениями в функциях сената и рексов, выражающимися в политике, проводимой этими органами, — эти функции приобрели классовый характер; в) зарождающимися изменениями в структуре органов публичной власти.

Заметными структурными изменениями функциональные изменения в сфере публичной власти увенчались при Сервии Туллии. Как известно, были преобразованы комиции, куда вошли все плебеи. Введение богатых плебейских родов и семей во всаднические центурии и передача важнейших законодательных и электоральных прерогатив новым центуриатным комициям, обеспечивая власть наиболее богатым людям римской общины вообще, в конкретно-исторической ситуации, сложившейся в Риме в конце VI в. до н. э., усилили патрициат. После изгнания последнего рекса именно интересы патрициата стали защищать избираемые центуриями консулы, а затем и другие патрицианские магистраты. Соответственно изменился сенат, комплектуемый теперь не рексом, а консулами из наиболее авторитетных, как правило, уже занимавших курульные магистратуры патрициев. Радикально изменилось и орудие властвования знати — войско, набираемое из состоятельных членов римской патрицианско-плебейской общины и являвшееся плотью от плоти класса имущих, де-юре перешедшее в распоряжение центуриатных комиций, а де-факто — сената, консулов, преторов, диктаторов.

Разумеется, завершение всех этих структурных изменений в политической сфере Рима можно констатировать лишь применительно к концу VI в. до н. э., но начались они значительно раньше. Даже такой осторожный в своих выводах исследователь, как И. Л. Маяк, вынуждена признать: Рим первых царей знал «усиление царской власти за счет принижения роли народного собрания и особенно сената»⁵⁴. Политические изменения, которые еще отнюдь не обозначали завершения оформления государственного механизма, но вместе с тем уже свидетельствовали о фактическом переходе властных функций к родоплеменной знати и ее органам — рексу, сенату — в очередной раз позволяют сделать вывод: военная демократия в Риме периода

царей была по существу зарождающимся политическим режимом в оформлявшемся классовом обществе. Причем именно с того времени, когда войско перешло в распоряжение знати (рекса и патрициев), и начал складываться в Риме политический режим как определенная совокупность средств и способов выражения власти господствующих верхов римской общины, что повлекло за собой создание более или менее сложной системы органов власти и управления, т. е. на месте органов родоплеменного строя возникло государство. Сложился политический режим в «царском» Риме прежде, чем оформилось государство, но он предопределил направление развития государственного механизма.

Среди факторов, обуславливающих специфику каждого конкретного государства, в том числе и раннерабовладельческого Рима, особо значительна борьба классов — «общий социальный закон, проявляющийся во всех классово-антагонистических общественных формациях»⁵⁵. Отражением социальной борьбы, происходившей в результате разложения доклассовой формации, было установление диктатуры господствующей верхушки общества и **возникновение** государства. Политический режим — наиболее лабильная сторона формы государства, из всех основных ее структурных элементов наиболее чутко отражающая все изменения в соотношении классовых, социальных сил — возник как первый ее компонент, поэтому генезис и становление его ранних форм свидетельствовали о начале государственности.

Данная статья ограничивает свою задачу постановкой проблемы. Тем не менее внимательное изучение конкретного фактического материала, который предоставляют источники по ранней римской истории, позволяет выявить не только какие именно социальные изменения обусловили становление ранней формы **политического режима** в Риме, но и как, каким образом складывались сначала методы, а затем оформлялись и средства осуществления диктатуры приходивших к власти слоев господствующего класса римских землевладельцев-рабовладельцев. При этом уже анализ социальных сдвигов внутри римской общины царского периода свидетельствует о неуклонном расширении социальной опоры правящей верхушки господствующего класса при одновременном ужесточении средств и методов его диктатуры — такова основная тенденция в эволюции политического режима с его возникновения. В данной связи интересно отметить своеобразный римский «консерватизм», присущий процессу развития политического режима в Риме, — стремление не столько сохранить уже устаревшие политические формы, сколько всякий раз выдавать сложившийся новый порядок за более демократический старый, что свидетельствует об определенном политическом лицемерии правящих кругов, и такая тенденция прослеживается в римской истории от генезиса политического режима до начала домината.

¹ См.: История древнего Рима/Под ред. В. И. Кузищина. 2-е изд., перераб. и доп. М., 1981. С. 50; История древнего мира. Ч. 2: Греция и Рим/Под ред. А. Г. Бокшанина. 2-е изд., испр. и доп. М., 1982. С. 226; Черниловский З. М. Всеобщая история государства и права. 2-е изд., перераб. и доп. М., 1983. С. 62; и др.

² Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 21. С. 129.

³ Там же.

⁴ Там же. С. 128.

⁵ См.: Королев А. И., Мушкин А. Е. Диалектика возникновения классового общества и государства // Правоведение. 1977. № 1. С. 70.

⁶ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 21. С. 170—171.

⁷ См.: Марксистско-ленинская общая теория государства и права: Исторические типы государства и права. М., 1971. С. 106.

⁸ См.: Теория государства и права/Под ред. С. С. Алексеева. М., 1985. С. 51; Теория государства и права. Л., 1982. С. 48; и др. Характерно, что будучи введен в юридическую литературу почти 40 лет назад термин «политический режим» до сих пор не получил четкой дефиниции.

⁹ См.: Марксистско-ленинская общая теория государства и права: Основные институты и понятия. М., 1970. С. 235.

¹⁰ См.: Проблемы теории государства и права/Под ред. С. С. Алексеева. М., 1979. С. 72.

¹¹ Марксистско-ленинская общая теория государства и права: Основные институты и понятия. С. 236.

¹² Там же. С. 237.

¹³ Там же. С. 238.

¹⁴ См.: Теория государства и права. С. 48.

¹⁵ См.: Марксистско-ленинская общая теория государства и права: Исторические типы государства и права. С. 151, 153—154; 162, 163—164.

¹⁶ См.: Утченко С. Л. Кризис и падение Римской республики. М., 1965. С. 265 и след.; Он же. Политические учения древнего Рима, III—I вв. до н. э. М., 1977. С. 42 и след.; Машкин Н. А. Принципат Августа: Происхождение и социальная сущность. М.; Л., 1949. С. 74 и след.

¹⁷ См.: Утченко С. Л. Древний Рим: События. Люди. Идеи. М., 1969. С. 232 и след.; Он же. Политические учения древнего Рима. С. 67 и след.

¹⁸ См.: Cicero. De re publ. I. 42—44.

¹⁹ См.: Polyb. VI. 10. 2—11.

²⁰ См.: Cicero. De re publ. I. 43—45.

²¹ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 8. С. 567—568; Т. 46, ч. 1. С. 483.

²² См.: Liv. I. 7—8; Vell. Pat. I. 8; Маяк И. Л. Рим первых царей: Генезис римского полиса. М., 1983. С. 185; Нечай Ф. М. Образование Римского государства. Минск, 1972. С. 10 и след.; Ельницкий Л. А. У истоков древнеримской культуры и государственности // ВДИ. 1958. № 3. С. 146—148; Moscati S. Archeologia Mediterranea. Roma, 1966. P. 226.

²³ См.: Маяк И. Л. Проблема генезиса римского полиса // ВДИ. 1976. № 4. С. 43; Ельницкий Л. А. У истоков древнеримской культуры и государственности. С. 147—148.

²⁴ См.: Plut. Rom. XVI, XVII, XXIII, XXIV; Liv. I. 13, 29.

²⁵ См.: Ельницкий Л. А. У истоков древнеримской культуры и государственности. С. 148—149.

²⁶ См.: Там же. С. 149—150. Ср.: Маяк И. Л. Рим первых царей: Генезис римского полиса. С. 113.

²⁷ См.: Скриплев Е. А. Военное право древнего Рима в VI—III вв. до н. э.: Дис... канд. ист. наук. М., 1948. С. 13 и след.

²⁸ См.: Немировский А. И. История раннего Рима и Италии: Возникновение классового общества и государства. Воронеж, 1962; Нечай Ф. М. Образование Римского государства; Гюнтер Р. К развитию социальной и имущественной дифференциации в древнейшем Риме // ВДИ. 1959. № 1. С. 52—83; Ельницкий Л. А. У истоков древнеримской культуры и государственности; Он же. Возникновение и развитие рабства в Риме в VIII—III вв. до н. э. М., 1964; Залесский Н. Н. К истории этрусской колонизации в Ита-

лии в VII—IV вв. до н. э. Л., 1965; Он же. Этруски в Риме // Науч. докл. высш. школы. Ист. науки. 1958. № 1. С. 97—107; Маяк И. Л. Проблема населения древнейшего Рима // ВДИ. 1979. № 1. С. 71—94; Серени Е. Сельская община и ее границы в древней Лигурии // ВДИ. 1956. № 4. С. 25—45; Он же. Город и деревня в доримской Италии // ВДИ. 1967. № 2. С. 77—98; Sereni E. *Comunità rurali nell' Italia antica*. Roma, 1955.

²⁹ См.: Маяк И. Л. Рим первых царей: Генезис римского полиса; Шиллюк Н. Ф. Социальная структура раннеримского общества // Античная древность и средние века: Проблемы социального развития: Сб. науч. тр. Свердловск, 1985.

³⁰ См.: Маяк И. Л. Рим первых царей: Генезис римского полиса. С. 154, 160—161, 258, 259, 260; История древнего Рима / Под ред. В. И. Кузищина. 2-е изд. С. 48.

³¹ См.: Шиллюк Н. Ф. Социальная структура раннеримского общества. С. 9—10, 12.

³² См.: Маяк И. Л. Рим первых царей: Генезис римского полиса. С. 201, 209, 231. Ср.: Андреев М. Недвижимая собственность в Риме до Двенадцати таблиц // ВДИ. 1955. № 1. С. 143; Martino F. de. *Storia della costituzione romana*. 2-a ed. Napoli. 1972. Vol. 1. P. 18—21, 27. Ср.: Sereni E. *Comunità rurali*... P. 377; История древнего Рима. С. 48.

³³ Шиллюк Н. Ф. Социальная структура раннеримского общества. С. 11.

³⁴ См.: Там же. С. 12, 13 и след.

³⁵ См.: Маяк И. Л. Рим первых царей: Генезис римского полиса. С. 259—260.

³⁶ См.: *Plut. Rom. XXVII; Liv. I. 15—16.*

³⁷ См.: Шиллюк Н. Ф. Социальная структура раннеримского общества. С. 12—13.

³⁸ См.: *Liv. I. 41 sq.*

³⁹ См.: Ельницкий Л. А. Возникновение и развитие рабства в Риме... С. 196 и след.; Гюнтер Р. К развитию социальной и имущественной дифференциации... С. 65—83.

⁴⁰ См.: *Plut. Rom. XVI, XVII, XXIII, XXVII; Liv. I. 9, 10—11, 14—15, 22; 27—28, 32.*

⁴¹ См.: *Plut. Rom. XVII, XXIII; Liv. I. 11, 14—15, 22, 27—28, 33, 38.*

⁴² Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 21. С. 170, 164—165.

⁴³ См.: *Liv. I. sq.*

⁴⁴ См.: *Liv. I. 15; Dionys. II. 13, 64; Varro. De l. L. I. 5, 89; Plut. Rom. XIII.*

⁴⁵ След этого явления — в позднейшем отношении римлян к *jus militiae* как к праву-привилегии.

⁴⁶ См.: *Liv. I. 30; Val. Max. I. 4, 1*; См. также: Ельницкий Л. А. У истоков древнеримской культуры... С. 150.

⁴⁷ *Marquardt J. Römische. Staatsverwaltung. Leipzig, 1884. Bd 2. S. 322.*

⁴⁸ См.: *Liv. I sq.*

⁴⁹ См.: Немировский А. И. История раннего Рима... С. 233.

⁵⁰ *Liv. I. 15.*

⁵¹ См.: *Mommsen Th. Römische Staatsrecht. Leipzig. 1871. Bd 1. S. 99.*

⁵² См.: *Plut. Rom. XVII, XXVII; Numa. VII.*

⁵³ См.: *Liv. I. 30, 35; Cicero. De re publ. II. XX. 35*; См.: Хвостов В. М. История римского права. М., 1919. С. 23.

⁵⁴ Маяк И. Л. Рим первых царей: Генезис римского полиса. С. 260:

⁵⁵ Марксистско-ленинская общая теория государства и права: Основные институты и понятия. С. 295.